

Алисия Мара

Соль

«Автор»
2026

Мара А.

Соль / А. Мара — «Автор», 2026

Бывший военный капеллан Элайджа Рук бежит от собственных демонов — вины за гибель семьи и пожирающего ПТСР. Его убежищем становится работа: он разоблачает религиозные культы, находя в чужом безумии оправдание своему небытию. Когда из изолированной общины в болотах Луизианы пропадает подросток, Элай берется за дело. Он знает правила таких сект: их лидеры — шарлатаны, а ритуалы — лишь жестокий театр. Но спустившись в подземные пещеры общины, Элай обнаруживает, что — это не фабрика смерти, а жуткий, извращенный хоспис. Мать Серафина не убивает своих последователей. Она превращает их в «камни», погружая в анабиоз с помощью сверхнасыщенного соляного раствора, чтобы навсегда стереть память о невыносимой боли.

© Мара А., 2026
© Автор, 2026

Алисия Мара
Соль

Книга I. Болото

Глава 1. Вкус ржавчины

Виски больше не согревал. Элайджа Рук крутил в пальцах стакан, глядя, как янтарная жидкость оставляет на стекле маслянистые разводы. В его маленькой квартире в Батон-Руж кондиционер работал на износ, но воздух все равно казался густым, как остывший бульон. На экране ноутбука мигало лицо мужчины с потухшими глазами. — Вы сказали, что вытащите его, — голос отца дрожал. — Вы же капеллан. Вы должны понимать, как работает эта дрянь. — Я больше не капеллан, — ровно ответил Элай, не отрываясь от стакана. — Я консультант. И я сказал, что найду вашего сына. Я не обещал возвращать его в том виде, в котором вы хотите его видеть. — Они забрали его три недели назад. «Линия соли». Это болото в дельте. Никто не знает, где они молятся. Элай знал. Он знал всё о культах, которые строят свои алтари на стыке воды и земли. Вода забирает память, земля — тело. На запястье Элая, под манжетой рубашки, зудел старый шрам. Он соврал отцу парня. Дело было не в профессионализме. Дело было в том, что три недели назад, глядя на фото пропавшего подростка, Элай увидел собственное лицо. Лицо человека, который уже мертв изнутри и просто ищет способ похоронить свою оболочку.

Он бросил работу на рассвете. Взял только старый армейский рюкзак, «Глок» и флягу, на дне которой пересыпались кристаллы. Он арендовал плоскодонку в Морган-Сити. Местный лодочник, беззубый старик в бейсболке с логотипом Budweiser, смерил Элая взглядом. — В «Линию соли» собрался, сынок? — проскрипел он, заводя подвесной мотор. — Серафина забирает только тех, у кого душа уже сгнила. Тебе там самое место. Старик высадил Элая на гниющий причал, скрытый за стеной испанского мха. Дальше мотора не было. Элай ступил на скользкие доски. Как только лодка скрылась за поворотом, паника ударила под дых. Открытая вода. Бескрайнее небо. Грудь сдавило, легкие отказались вдыхать влажный, пахнущий сероводородом воздух. Элай вцепился в ствол ближайшего кипариса, ногтями сдирая кору, пока спазм не прошел. Он заставил себя дышать в такт стрекоту цикад. Один. Два. Три. Четыре.

Домов в привычном понимании не было. Община «Линия соли» жила в домах-склепах — деревянных коробах, поднятых на сваи, но обшитых листами прессованной соли, которая на жаре выступала белесым, ядовитым потом. Его встретила женщина в грубом льняном платье. От нее пахло не потом, а чистотой — озоном и минералами. — Ты ищешь тишины, брат? — спросила она. Голос Серафины обволакивал, он был лишен любых острых углов. — Я ищу Дэвида, — ответил Элай. — Восемнадцать лет. Куртка с логотипом LSU. — Дэвид нашел свой уровень покоя, — кивнула Серафина. — Мы не держим тех, кто готов отдать свою соль. Снимай ботинки. Земля здесь забирает чужую тяжесть.

Элай провел в общине три дня. Он ждал увидеть промывание мозгов, зомбированные лица, страх. Но видел обратное. Люди здесь спали глубоко, без кошмаров. Дети не кричали. Никто не смотрел в телефоны. Он начал понимать механику на вторую ночь. К нему подошел парень с идеальным, почти античным лицом. Каин. — Ты плохо спишь, — сказал Каин. У него не было зрачков, только сплошная, влажная чернота. — Ты слышишь лопасти вертолета, да? Даже когда их нет. Элай сглотнул. Откуда он знает про «Апачи» над Фаллуджей? — Травма — это ржавчина, — продолжил Каин, протягивая Элаю кусок влажной, розоватой соли. — Она жрет тебя изнутри. Мать Серафина научила нас, как остановить гниение. Нужно просто перестать быть влажным.

Глава 2. Соляные легкие

Элай понял, что они собираются сделать с Каином, по запаху. Воздух в общине изменился. Из него исчезла влага. Ритуал назначили на полнолуние. Элая, как гостя, допустили

на край поляны, окруженной кольцом старых кипарисов. В центре поляны зияла яма, выдолбленная прямо в солончаке. Она напоминала могилу, но на дне ее поблескивала черная жижа — сверхнасыщенный рассол. Каин стоял рядом с ямой совершенно обнаженный. Его кожа в лунном свете казалась мраморной. Серафина подошла к нему, взяла за руку. Она не молилась. Она читала его историю, как читают некролог: — Ты помнишь, как пах бензин, когда машина твоего отца въехала в дерево, Каин? Помнишь, как кричала мать, пытаясь достать тебя из горящего салона? Ты несешь этот крик в своих легких восемь лет. Пора его выдохнуть. Каин кивнул. Он не выглядел испуганным. Он выглядел как человек, который наконец-то сдал тяжелый багаж. Он лег в яму. Рассол сомкнулся над ним.

Серафина и еще трое общинников начали петь. Это был не гимн, а низкий, утробный гул, от которого вибрировали зубы. Они не топили Каина. Они начали медленно, ковшами из кипарисового дерева, поливать его грудь и лицо чистой солью. Элай достал камеру. Его руки, обычно твердые, ходили ходуном. Он видел убийство. Сейчас парень захлебнется, его легкие заполнятся жижей. Он нажмет на запись, вернется в Батон-Руж, сдает этих психов федералам и получит свой чек. И свою дозу забвения.

Каин не дергался. Рассол, смешиваясь с солью, которую сыпала Серафина, начал густеть. Он превращался в плотную, розоватую корку. Элай видел сквозь эту корку очертания тела. Каин не открывал рот. Он просто смотрел в луну, и по его щеке — впервые за все время — скатилась одна-единственная слеза. Она упала в рассол, и в месте ее падения соль зашипела, как на раскаленной сковороде. Тело Каина обмякло. Это не была судорога утопленника. Это было падение напряжения. Он уснул.

Серафина зачерпнула горсть образовавшегося соляного панциря. Она разломала его, как шоколад. Внутри Каин был бледным, сухим. Он не дышал. — Соль вытянула воду, — прошептала Серафина, обращаясь не к Элаю, а к небу. — Теперь мы заберем соль. Они вытащили тело. Оно весило не больше, чем тело ребенка. Каина завернули в холстину и унесли в сторону болот, туда, где земля пузырилась от метана. В «Соляные легкие».

Элай сдал предохранитель на пистолете. — Вы убили его, — его голос сорвался на хрип. — Вы больные сукины дети. Серафина повернулась. В ее глазах не было безумия. Там была усталость хирурга после двенадцатичасовой операции. — Он дышит, Элайджа, — сказала она мягко. — Просто очень глубоко. Внизу, где нет кислорода, который мог бы снова напомнить ему об огне. Мы не убиваем. Мы консервируем. Как ваш армейский паек. Вы же любите свои консервы, капеллан? Вы живете на них уже десять лет.

Мир перед глазами Элая поплыл. Шум вертолета в ушах стал невыносимым. Он видел не болото Луизианы. Он видел горящий «Хамви» и руку своей жены, прижатую искореженным металлом. Он не смог ее вытащить. Он держал ее, пока кожа не начала плавиться, потому что его собственный мозг отказывался верить, что нужно просто разжать пальцы и бежать. Он выбрал держать.

Элай выхватил «Глок». Община не шелохнулась. Они просто смотрели на него с жалостью. — Где он? — взревел Элай, направляя ствол на Серафину. — В какой яме вы его закопали? — Он в безопасности, — ответила она. — А вот ты — нет. Ты до сих пор мокрый, капеллан. Твоя ржавчина скоро проест тебя насквозь.

Элай спустил курок. Сухой щелчок. Осечка. Он передернул затвор — снова осечка. Старая армейская смазка слиплась от влажности. Прежде чем он успел вытащить нож, Каин — тот самый Каин, который минуту назад был соляным изваянием — оказался за его спиной. Он двигался бесшумно. Каин не ударил его. Он просто обхватил Элая сзади, зажав шею в сгибе локтя. Не для удушения. Для фиксации. Элай бился, как пойманная рыба, но хватка парня была стальной. — Тише, — прошептал Каин ему на ухо. Его дыхание пахло чистым озоном. — Не сопротивляйся ржавчине. Просто позволь соли осесть.

Элай почувствовал, как ноги подкашиваются. Мир сузился до черной точки. Он падал не в обморок. Он падал в ту самую соляную яму. Последнее, что он услышал, прежде чем тьма забрала его, был звон бронзового колокольчика на щиколотке ребенка, бегущего мимо. Звон, похожий на поминальный. **Глава 3. Анабиоз**

Сознание возвращалось не светом, а запахом. Пахло озоном, стерильным пластиком и чем-то сладковато-химическим, как в операционной. Элай попробовал пошевелить руками. Запястья были свободны, но тело отказывалось подчиняться. Мышцы гудели, словно после удара током, а кожа на груди и плечах горела, натянутая до предела. Он открыл глаза.

Он лежал на узкой койке в одном из соляных домов. Потолок над ним был покрыт толстым слоем белых кристаллов, которые тускло светились в темноте собственным, призрачным светом. Воздух здесь был абсолютно сухим. Слизистая в носу запеклась, каждый вдох царапал горло.

— Не пытайся сесть, — раздался голос Серафины. — Твои электролиты еще не пришли в норму.

Она сидела на плетеном стуле у его ног. На ней не было платья — только простая серая туника. В руках она держала керамическую чашку с дымящимся отваром.

— Ты пытался меня убить, — констатировал Элай. Язык ворочался во рту, как кусок наждачной бумаги. — Ты пытался спасти Каина, — поправила она. — Это разные вещи. Твоя пуля предназначалась мне, но твой страх предназначался ему. Ты увидел, как он ложится в соль, и узнал в нем себя. Человека, который хочет, чтобы боль просто *остановилась*. Любой ценой.

Элай сжал кулаки. Ногти впились в ладони. Боль была настоящей. Острой. Живой. Это отрезвляло. — Я видел, как вы похоронили его заживо. — Мы поместили его в анабиоз, — Серафина подалась вперед. В ее глазах не было фанатичного блеска, только холодная, пугающая логика. — Ты военный капеллан, Элайджа. Ты знаешь, что такое криокамеры для тяжелораненых, когда до госпиталя сорок минут вертолетом. Мы делаем то же самое, только без жидкого азота. Соль вытягивает воду из тканей, останавливает распад нейронов. Крик его матери, запах горящей синтетики в салоне машины — это кислота, которая жрет его гиппокамп. Мы просто понизили температуру его памяти до абсолютного нуля. Он не мертв. Он просто… сохранен.

— Это пытка, — прохрипел Элай. — Вы превратили его в мумию. — Он сам пришел к нам, — Серафина встала и подошла к стене. Она провела пальцем по кристаллам, и те осыпались мелкой пылью. — Он хотел вырезать куски своего мозга ложкой, лишь бы не слышать сирены в своей голове. Мы дали ему скальпель.

Она зачерпнула горсть соли со стены. Кристаллы были крупными, влажными, неправильной формы. — Твоя проблема, капеллан, в том, что ты пытаешься смыть ржавчину водой. Но вода вызывает коррозию. Ты топишь свое горе в бурбоне, в работе, в спасении чужих детей. Ты растворяешься в этом. Соль работает иначе. Она не растворяет. Она вытягивает. Она делает боль твердой.

Она подошла к койке и разжала его левый кулак, в котором Элай сам не заметил, как до крови стесал кожу. Она насыпала ему на ладонь влажную соль. — Держи.

Кристаллы обожгли ссадины. Элай дернулся, но Серафина держала его руку крепко. — Терпи, — приказала она. — Боль от соли — это внешняя боль. Она конечна. Она не лезет внутрь, не напоминает о Фаллудже. Смотри на нее.

Элай смотрел, как крупные кристаллы покрываются алыми точками. Жжение было невыносимым, но оно вытесняло из головы привычный, липкий ужас. Оно не давало вспомнить лицо жены в последние секунды. — Зачем я здесь? — спросил он, когда она наконец отпустила его руку. — Вы же видели мой жетон. Вы знали, кто я. — Именно поэтому, — Серафина вернулась на стул. — Каин пробудет в пещерах еще три дня. На четвертый день солнце станет

слишком жарким, и соль начнет возвращать ему влагу. Он начнет вспоминать. Ему понадобится проводник. Тот, кто знает, каково это — возвращаться с того света. Ты останешься здесь до его пробуждения. — Я не буду помогать вам убивать его медленно, — отрезал Элай. — Никто не просит тебя его убивать, — устало вздохнула Серафина. — Мы просим тебя посидеть с ним, когда он начнет кричать, вспомнив, как плавилась кожа на его руках. Ты же привык держать людей, пока они умирают. Теперь подержи его, пока он заново учится жить.

Она поднялась и вышла, оставив его наедине со светящимся соляным потолком. Элай разжал левую ладонь. Соль на ней высохла, превратившись в белую, ломкую корку. Кожа под ней была стянута и саднила. Он поднес руку к лицу и лизнул кристалл.

Вкус был тошнотворным, горьким, металлическим. Вкусом крови. Вкусом слез. Вкусом морской воды, в которой тонут корабли. Но это был вкус *чего-то*. Впервые за долгие месяцы, прошедшие после аварии, его рот не был наполнен пеплом виски и желчью собственного вранья.

Элай лег на койку, глядя на светящийся потолок. Сухой воздух больше не царапал горло. Он просто заполнял легкие — тяжелые, пустые, чистые. Бронзовый колокольчик где-то вдалеке звякнул дважды и затих. Элай закрыл глаза, ожидая привычного рева лопастей «Апачи», но услышал только ровный, глухой стук собственного сердца. Сухой, как треск ломающейся ветки. **Глава 4. Предел тишины**

На третий день Элай понял, что Серафина не кормила его. В доме не было ни еды, ни воды. Только соль. Он жевал мелкие кристаллы со стен, чтобы обмануть сухость во рту, но голод превратился в глухой, вибрирующий фон. Организм начинал пожирать сам себя, и вместе с физической слабостью уходила привычная нервная дрожь. Мысли замедлились, стали тяжелыми и прозрачными, как застывающая смола.

Серафина пришла за ним на закате. Солнце било в горизонт багровым молотом, превращая испанский мох в нити раскаленной проволоки. — Пора, — сказала она, протягивая ему холщовый сверток.

Внутри лежала туника, такая же, как у нее, и пара плетеных сандалий. Элай переоделся. Ткань царапала стянутую солью кожу, но это ощущение казалось единственно реальным во всем этом гнилом, светящемся мире.

Они шли через болото без лодки. Серафина ступала по черной воде так, словно та была твердым стеклом. Элай шел следом, оскальзываясь на гниющих корнях. Каждый шаг отдавался болью в обезвоженных мышцах. — Куда мы идем? — спросил он. — В Предел тишины, — ответила она. — Соль не убивает звук. Она его консервирует. Там, внизу, хранятся все крики, которые когда-либо издавали наши дети.

Они остановились у подножия древнего дуба, чьи корни уходили прямо в черную жижу. Серафина опустилась на колени и раздвинула толстые, похожие на змей лианы. Под ними открылся черный зев пещеры, из которого тянуло могильным холодом. — Фонарь? — спросил Элай. — Свет разрушит структуру, — бросила Серафина через плечо и шагнула в темноту.

Элай замер на пороге. Пещера была глоткой гигантского зверя. Страх темноты, страх замкнутых пространств — все его старые демоны подняли голову. Но страх перед открытым болотом, перед небом, которое он оставил за спиной, был сильнее. Он шагнул внутрь.

Темнота была абсолютной. Элай вытянул руки, касаясь стен. Они были гладкими, отполированными, и холодными настолько, что обжигали. Но под этой ледяной коркой он чувствовал странную, микроскопическую вибрацию. Стены пели. Это был инфразвук, ниже порога слышимости, гул самой планеты.

Серафина шла впереди, ориентируясь в полной темноте безошибочно. Коридор начал спускаться под крутым углом. Воздух стал густым, тяжелым, пахнущим озоном, как после удара молнии, и чем-то еще — сухим, минеральным запахом, который Элай помнил из моргов. Запах стерильности и конца.

— Здесь, — сказала она, останавливаясь.

Они вышли в огромный грот. Потолок терялся во мраке, но пол… Пол был покрыт ковром из человеческих фигур. Они не лежали в гробах. Они стояли, прислонившись к стенам, или сидели на полу в позе лотоса. Десятки людей. Каин был здесь.

Он сидел в самом центре, скрестив ноги. Его кожа больше не была мраморной. Она стала пергаментной, туго обтянув скулы. Глаза были закрыты, но под веками быстро двигались глазные яблоки. Он не был мертв. Он был заперт внутри собственного сна. Элай подошел ближе. Он коснулся шеи Каина. Кожа была ледяной, пульс едва прощупывался — редкий, глухой удар раз в десять секунд. Но он был.

— Что вы с ними делаете? — голос Элая прозвучал неестественно громко, разрушив вязкую тишину грота. — Они же в коме. — Они в чистилище, — ответила Серафина. Она опустилась на колени рядом с Каином и положила ладонь ему на грудь. — Соль вытянула воду, холод остановил время. Но мозг не может спать вечно. На четвертое утро, когда первый луч солнца коснется солончака наверху, соль начнет отдавать влагу. Она пойдет по нервным окончаниям, как кислота. Он вспомнит всё. Огонь, крики, запах горелого пластика. Его нервная система решит, что он снова горит заживо. Если он проснется в темноте, один, он сойдет с ума окончательно.

Серафина подняла на Элая свои тяжелые, темные глаза. — Твоя вера, капеллан, всегда была костылем. Ты читал псалмы над мальчишками, у которых не было половины лица, и говорил им, что Бог их любит. Но ты сам в это не верил. Ты не можешь дать Каину Бога. Но ты можешь дать ему свидетеля. Сядь.

Она указала на место прямо напротив Каина. Элай опустился на ледяной пол. От камня холод мгновенно пошел по копчику вверх, парализуя позвоночник.

— Сиди и смотри на него, — приказала Серафина. — Когда он закричит, ты не должен пугаться. Если ты испугаешься, твой страх станет его страхом, и соль заберет его навсегда. Ты должен быть скалой. Ты должен помнить его имя. Дэвид. Его зовут Дэвид. Повторяй его про себя. Это будет его якорь.

Она поднялась и, не оглядываясь, пошла обратно к выходу из грота. Шаги ее стихли, и Элай остался наедине с десятком полуживых статуй.

Он посмотрел на лицо Каина. Веки юноши дрогнули. Из-под ресниц выползла мутная, белесая слеза и скатилась по пергаментной щеке. Она не была соленой. Она была пресной, как вода из растаявшего льда.

Элай сжал свои ледяные руки в кулаки, вгоняя ногти в ладони до крови. Он закрыл глаза, отсекая вид мертвого гротеска, и начал делать то, чего не делал десять лет. Он начал молиться. Не капелланской формулой, не уставным текстом.

«Господи, если ты еще где-то там есть, — подумал он, стискивая зубы, — не забирай его. Я не знаю, есть ли ты. Но я здесь. Я — его пастырь. И я не отойду от этой купели».

Вибрация в стенах пещеры изменилась. Гул стал выше, напряженнее. Элай открыл глаза. Каин сделал первый за трое суток вдох. Резкий, хриплый, похожий на скрежет наждака по стеклу. Его тело выгнулось дугой, отрываясь от пола.

Началось. **Глава 5. Купель**

Первый крик не был человеческим.

Это был звук рвущегося металла, скрежет тормозных колодок и тонкий, захлебывающийся визг ребенка, который не может выдохнуть. Тело Каина — или Дэвида, как заставлял себя называть его Элай — билось о ледяной камень грота. Сухожилия на его шее натянулись, как стальные тросы. Он пытался вдохнуть, но легкие, высушенные солью и промороженные холодом пещеры, отказывались раскрываться.

Элай вскочил на колени. Инстинкт капеллана, вбитый в него на курсах тактической медицины, кричал: «Освободи дыхательные пути! Переверни на бок!». Но руки Серафины, стояв-

шей у входа в грот, словно физически удерживали его на месте. — Не трогай! — ее голос ударил по ушам, перекрывая визг. — Ты убьешь его мембраны. Соль размягчила ткани. Одно нажатие, и его легкие просто лопнут. Смотри. Только смотри.

Дэвид перестал биться. Он замер, опираясь на ладони и колени, как животное, пойманное в луч прожектора. Его спина, туго обтянутая пергаментной кожей, ходила ходуном. И он начал кричать снова. На этот раз — словами. — Мама! — хриплый, сорванный звук. — Мамочка, мне больно! Вытащи меня! Мои ноги!

Элай почувствовал, как ледяной пот выступил на его собственном лбу. Он видел это. Он видел «Шевроле», смятую гармошкой вокруг ствола дуба, и ноги мальчика, зажатые под торпедо, которые лизало пламя.

— Я здесь, — голос Элая сорвался. Он прозвучал жалко, тонко. Дэвид не слышал. Его глаза были широко распахнуты, но смотрели сквозь камень, сквозь время, прямо в горящий салон. Зрачки метались из стороны в сторону с безумной скоростью.

Элай заставил себя разжать сведенные судорогой пальцы. Он медленно, миллиметр за миллиметром, опустил ладонь на плечо юноши. Кожа под его рукой была не просто холодной. Она была *другой*. Она не реагировала на тепло, как воск. Она впитывала его. — Дэвид, — сказал Элай громче, вкладывая в голос всю ту командирскую твердость, которой у него больше не было. — Слушай мой голос. Это Элай. Ты в безопасности.

Ложь. Пещера была склепом. Но это была единственная правда, которую мозг парня мог сейчас принять.

Крик сменился бульканьем. Дэвид начал давиться. Его тело исторгало из себя соль. Не просто слезами. Из носа, из приоткрытого рта хлынула густая, белесая, вязкая жижа, похожая на сырые яичные белки, смешанные с кровью. Он захлебывался собственной памятью.

Элай действовал на чистом адренале. Он рванул с себя льняную тунику, оторвав рукав. Скомкал жесткую ткань. — Открой рот! — приказал он, борясь с подступающей тошнотой. — Сплюнь!

Он действовал как на поле боя. Четко, механистично, отсекая эмпатию, которая могла его парализовать. Он вытирал лицо Дэвида, очищая носовые ходы, позволяя парню дышать сквозь рвотные спазмы.

— Дыши через нос, солдат, — хрипел Элай. — Вдох. Выдох. Моя рука на твоем плече. Ты чувствуешь мою руку? Это реальность. Всё остальное — кинопленка. Она сгорит.

Соль на полу грота начала темнеть. Там, где на камень падали белесые капли из легких Дэвида, кристаллы шипели и превращались в черную, влажную грязь. Процесс регидратации пожирал саму пещеру.

Приступ длился, казалось, вечность. Когда спазмы наконец прекратились, Дэвид обмяк. Он не упал — Элай удержал его, взяв в замок, как берут раненого товарища при эвакуации. Голова парня запрокинулась. Глаза закатились, показав только мутные белки.

Тишина, вернувшаяся в грот, была оглушительной. Элай слышал только три звука: свое рваное дыхание, редкий, судорожный пульс на шее Дэвида и тихий, ритмичный звон. Бронзовый колокольчик. Кто-то из общинников стоял у входа в пещеру, отсчитывая время.

— Время, Элайджа, — голос Серафины прозвучал совсем рядом. Она подошла бесшумно. В руках у нее была чашка с тем же отваром. — Он ушел слишком глубоко. Если сейчас не дать ему опору, он построит новую стену из этого кошмара и никогда не выйдет.

Она кивнула на лицо Дэвида. На его искусанных, покрытых белой коркой губах пузырилась розовая пена. — Он вспомнил огонь, — сказал Элай. Его руки, державшие парня, онемели. — Он вспомнил, как плавилась кожа. Я не могу это вытащить. Я сам там горю вместе с ним. — Ты не должен вытаскивать огонь, — Серафина опустилась на колени с другой стороны. От нее пахло сухой землей. — Ты должен стать для него землей. Огонь боится земли.

Она поднесла чашку к губам Дэвида, но тот не реагировал. Тогда она кивнула Элаю. — Открой ему рот. Элай пальцами сжал челюсти парня. Зубы были стиснуты так, что казалось, эмаль сейчас треснет. Он надавил на точки у основания челюсти, расслабляя мышцы. Рот приоткрылся.

Серафина влила густой, пахнущий полынью и медом отвар. Жидкость медленно стекла по пищеводу.

— Держи его, — прошептала она. — Не отпускай. Когда человек возвращается из ада, ему нужно знать, что на том конце веревки кто-то стоит.

Элай перехватил безвольно мотнувшуюся голову Дэвида, уложив ее себе на сгиб локтя. Он чувствовал, как ледяная кожа юноши начинает медленно, почти незаметно теплеть. Не от жара лихорадки, а изнутри. Словно где-то в глубине замерзшего озера сломалась корка, и на поверхность начала подниматься первая, тяжелая вода.

— Я здесь, — снова сказал Элай, на этот раз самому себе. — Я не сгорел. Я всё еще здесь.

Колокольчик зазвонил в третий раз. Восход. Соль наверху начнет отдавать влагу. Элай крепче сжал плечи парня, готовясь к тому, что через несколько часов этот кошмар повторится. Но теперь он знал: чтобы вытащить человека из соли, нужен не бог. Нужен другой человек, готовый сидеть в ледяной грязи и держать его за руку, пока кричит его прошлое.

Глава 6. Ржавчина

Рассвет в дельте Миссисипи — это не свет, а цвет. Черная вода стала темно-лиловой, затем багровой, а после — тяжелой, маслянисто-золотой. Элай не спал. Он сидел на полу грота, прислонившись спиной к стене, всё так же удерживая голову Дэвида на своих коленях. Юноша провалился в тяжелый, медикаментозный сон, вызванный отваром Серафины. Его дыхание всё еще было редким, но теперь в нем не было металлического скрежета.

Серафина принесла жестяную миску с теплой водой и кусок грубой ткани. — Протри ему руки, — велела она. — От локтей к кистям. Соль выходит с потом. Если она кристаллизуется в суставах, он потеряет моторику. Станет живым мертвецом.

Элай молча взял ткань. Он расстегнул рукав туники Дэвида. Кожа на предплечьях была покрыта мелкой белой сеткой — кристаллами, которые выступали из пор. Когда Элай провел влажной тканью по руке, вода мгновенно помутнела, став похожей на молоко. — Почему ты не используешь это для ран? — спросил Элай, не поднимая глаз. — Вытягивать гной. Очищать ожоги. Вы же используете соль как оружие. — Соль не делает различий, — спокойно ответила Серафина, присаживаясь рядом. Она взяла вторую миску и начала так же методично протирать ступни Дэвида. — Она вытягивает воду. Гной — это вода, смешанная с мертвыми клетками. Кровь — это вода. Память — это электрические импульсы в солевом растворе твоего мозга. Если ты приложишь соль к ране на ноге, она спасет ногу. Если ты приложишь ее к ране в голове — она спасет душу, превратив ее в камень. Мы не целители, Элайджа. Мы могильщики для тех, кто не может перестать дышать.

Она говорила о его жене. О Саре. Элай почувствовал, как ткань в его руках дрогнула. Он слишком сильно сжал запястье Дэвида. Юноша во сне поморщился. — Осторожнее, — бросила Серафина. — Он сейчас как вывернутый наизнанку желудок. Любое давление причиняет боль.

Элай заставил себя разжать пальцы. Он смотрел на свои руки. На костяшках сошел старый шрам от взрыва в Фаллудже, но под ним, глубже, кожа была покрыта пигментными пятнами. Пятнами цвета жженой умбры. Цвет ржавчины. — Моя жена, — голос Элая был хриплым от сухости. — Это не было случайностью. Серафина остановилась. Она подняла на него свои темные, лишенные возраста глаза. — Я знаю, — просто сказала она. — Ты не убил ее куском железа. Ты убил ее тем, что в момент удара смотрел не на дорогу.

Ты смотрел в пустоту, пытаясь вспомнить, выключил ли ты газ, или думал о том, как завтра будешь отпевать чужого мальчишку. Ты был не там. Твоя ржавчина проела тебя раньше, чем ты въехал в то дерево.

Удар был точным. Не жестоким, а хирургическим. Элай почувствовал, как пол грота уходит из-под ног, хотя он продолжал сидеть. — Откуда… — начал он. — Ты десять лет пытаешься смыть это виски, — перебила она. — Но виски — это вода. Ты разбавляешь свою вину, но она от этого только быстрее проникает в кровь. Ты пришел сюда, чтобы найти уродов, которые убивают детей. А нашел людей, которые знают, как выглядит запах твоей собственной кожи, когда она начинает гореть от стыда.

Серафина закончила с ногами Дэвида. Она бросила грязную ткань в миску. — Встань, — приказала она. Элай поднялся, его колени затекли и подгибались. — Выйди, — она кивнула на выход из пещеры. — Солнце встало. Соль наверху сейчас плавится. Если ты останешься здесь, ты начнешь впитывать его кошмары. Выйди на воздух и вспомни, как пахнет живая гниль. Это поможет тебе не сойти с ума от чистоты этого склепа.

Элай вышел из грота. Свет резанул по глазам. После полумрака пещеры болото казалось ослепительно ярким. Воздух ударил в лицо влажной жарой, запахом гниющих водорослей, тухлой рыбы и сладковатым ароматом распускающихся магнолий. Это была вонь жизни. Элай сделал глубокий, жадный вдох, и его стошнило желчью прямо в черную воду.

Он выполз на корень кипариса и сел, свесив ноги. Его трясло. Не от холода — от ломки. Его организм требовал привычного яда. Ему нужен был глоток бурбона, чтобы залить этот пожар в груди, чтобы снова окутать мозг спасительным, тупым туманом.

Он сунул руку в карман армейских штанов. Пальцы нащупали холодный металл. Старая фляжка. Элай достал ее. Она была тяжелой. Полной. Он не открывал ее со дня похорон. Он носил ее как талисман, как последнюю гранату, которую берег для себя.

Он смотрел на болотную воду. В ней отражалось уродливое, перекошенное небо. Там, на дне, среди корней, медленно догнивал остов какой-то старой лодки. Дерево было покрыто ярко-оранжевым налетом. Ржавчиной.

Элай смотрел на фляжку. На гравировку на крышке: «До последнего вздоха». Сара подарила ее ему перед первой отправкой. Он размахнулся. Бросок был слабым, плечо свело судорогой. Фляжка не плюхнулась в воду. Она ударилась о корень и отскочила, упав в густые заросли ежевики на берегу.

Элай уронил голову на колени. Он не заплакал. Слез не было, соль высушила их еще в пещере. Он просто сидел, обхватив голову руками, и слушал, как в ушах шумит кровь. Шум был похож на звук лопастей «Апача». Но теперь к нему примешивался другой звук — тихий, мерный звон. Бронзовый колокольчик. Кто-то из общины обходил свои владения.

Звон приближался. Из-за поворота протоки показалась девушка, которой на вид было не больше шестнадцати. На ее щиколотке висел колокольчик. Она несла на плече связку ивовых прутьев для плетения корзин. Она увидела Элая, сидящего на корнях, и не удивилась. В этой общине люди, сидящие на корточках и раскачивающиеся от горя, были частью пейзажа.

Она остановилась в десяти шагах. Посмотрела на него долгим, ясным взглядом, в котором не было ни страха, ни жалости. Только констатация факта. Затем она пошла дальше. Колокольчик на ее ноге пел тонкую, чистую ноту, которая медленно растворялась в густом, гнилом воздухе луизианского утра.

Элай сидел до тех пор, пока солнце не поднялось в зенит и не начало жечь голые плечи. Он сидел, пока ржавчина внутри него не перестала требовать огня и не превратилась в тяжелый, холодный свинец. Он знал, что через час ему нужно будет вернуться в Предел тишины. Серафина не просила его быть сильным. Она просила его быть скалой. Скала не должна чувствовать. Скала должна просто не давать течению унести того, кто за нее держится. **Глава 7. Пробуждение**

Когда Элай вернулся в грот, запах изменился. Стерильный озон и минеральная пыль уступили место тяжелому, сладковатому духу человеческого тела — запаху немытой кожи,

застарелого пота и болезни. Дэвид больше не лежал на полу. Он сидел, прислонившись к стене, подтянув колени к груди. Серафина была рядом, поила его с ложки густым бульоном.

Услышав шаги Элая, юноша вздрогнул так сильно, что ложка звякнула о зубы. Его глаза — больше не пустые бельма — были живыми, темными от расширенных зрачков, и полными животного ужаса. Он увидел Элая, и его губы исказились. — Ты, — просипел Дэвид. Голос был сорван в хрип. — Ты был в огне. Ты держал меня, пока я горел. — Я здесь, — Элай медленно поднял руки ладонями вперед, показывая, что в них ничего нет. — Я Элай. Я вытащил тебя.

Серафина закончила кормить парня. Она вытерла его подбородок краем холста и поднялась, отряхивая платье. — Твоя очередь, капеллан, — сказала она Элаю, проходя мимо. — Он помнит пламя, но забыл, как ходить. Его ноги — это кисель. Выведи его на солнце. Но не давай ему смотреть вверх. Небо для него пока слишком большое, оно раздавит.

Она ушла, оставив их вдвоем в синей тени пещеры. Элай опустился на корточки перед Дэвидом. Теперь, когда парень не бился в конвульсиях, Элай увидел, насколько сильно соль изменила его. Под глазами залегли глубокие, лиловые тени, суставы пальцев слегка распухли, а кожа, хоть и порозовела, висела на скулах неестественно туго. — Как тебя зовут? — тихо спросил Элай. Парень моргнул. Вопрос явно требовал от него невыполнимой вычислительной операции. — Д-Дэвид, — выдавил он. — Меня зовут Дэвид. — Правильно, — кивнул Элай. — А меня Элай. Мы в безопасности. Это пещера. Здесь пахнет сыростью. Слышишь? — он щелкнул пальцами. Звук получился глухим, вязким. — Здесь нет сирен. Нет запаха бензина. Только мы и камень.

Элай протянул руку. Дэвид смотрел на нее так, словно это была голова змеи. Но он вложил свою ладонь. Она была влажной, слабой, дрожащей. Элай рывком поднял его на ноги. Дэвид вскрикнул — не от боли, а от шока. Его колени подкосились. Он бы рухнул, если бы Элай не обхватил его за талию, перекинув руку парня через свое плечо. — Вес на меня, — скомандовал Элай. — Просто переставляй ноги. Раз-два. Левой, правой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.